

Гродненскія Епархіальныя Вѣдомости.

Выходятъ по воскресеньямъ.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Адресъ Редакціи—*Духовная Консисторія.*

Годъ XIII-й. 22-го сентября 1913 г. №№ 36 и 37.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнода.

Отъ 27 августа 1913 года за № 7644,

о пересмотрѣ рѣшенія Святѣйшаго Сѵнода относительно имябожниковъ.

По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали: 1) доклады командированныхъ на Аѳонъ архіепископа Никона и коллежскаго совѣтника Сергѣя Троицкаго, 2) заявленіе старцевъ—настоятелей русскихъ обителей (келій) и каливъ св. Аѳонской Горы объ отверженіи новаго лжеученія, 3) два донесенія архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Назарія, испрашивающаго указаній относительно мѣро-

пріятій, касающихся прибывшихъ въ его епархію аѳонскихъ монаховъ, 4) прошеніе іеромонаха Ювеналія и монаховъ Клеопы и Израиля о разрѣшеніи вернуться на Аѳонъ или вступить въ какой-либо монастырь въ Россіи и 5) прошеніе монаха Дометія (Камяка) о пересмотрѣ рѣшенія Святѣйшаго Сѵнода относительно имябожниковъ. *Приказали:* Возникшее въ 1907 году лжеученіе имябожничества быстро распространилось въ аѳонскихъ русскихъ обителяхъ—Пантелеимоновскомъ монастырѣ и Андреевскомъ скитѣ. Богословскій споръ, возбужденный появленіемъ лжеученія, постепенно перешелъ въ ожесточенную распрю между сторонниками новаго ученія и православными его противниками, и распря эта закончилась въ Андреевскомъ скиту 10-го января сего года избіеніемъ и изгнаніемъ православныхъ во главѣ съ игуменомъ Іеронимомъ, а въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ 27 января изгнаніемъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ православія, признаніемъ составленнаго имябожниками исповѣданія и переходомъ власти въ ихъ руки. Вселенская патріархія, въ области которой находится Св. Гора, примѣняла многія мѣры для борьбы съ движеніемъ. Такъ, 12 сентября 1912 года новое лжеученіе было осуждено грамотой покойнаго вселенскаго патріарха Іоакима III, 27 августа того же года Халкинская богословская школа, по порученію патріарха, разсмотрѣла новое ученіе и признала его еретическимъ, 29-го января 1913 года иноки Андреевскаго монастыря были объявлены протатомъ отлученными отъ Церкви впредь до суда патріархіи и, наконецъ, 5 апрѣля сего года лжеученіе было осуждено нынѣшнимъ вселенскимъ патріархомъ Германомъ V. Всѣ эти мѣры, однако, оказались безуспѣшными, а принять другія, болѣе дѣйственныя мѣры, греческая церковная власть, вслѣдствіе разности языка и національности, не могла. Между тѣмъ положеніе православныхъ монаховъ на Аѳонѣ становилось все труднѣе и пропаганда распространилась не только на аѳонскія кельи, но и въ монастыри, находящіеся въ Россіи.

Въ Святѣйшій Сунодъ стали поступать многочисленныя жалобы на пропаганду и притѣсненія православныхъ имябожниками, съ горячими мольбами помочь ихъ безвыходному положенію и защитить отъ насилій имябожниковъ. Съ другой стороны и вселенскій патріархъ и аѳонскій кинотъ, ревностно оберегая чистоту православія, находили, что не признающіе ихъ власти еретики не должны жить на Св. Горѣ. И вотъ возникла опасность, что всѣ православные русскіе монахи будутъ изгнаны со Св. Горы имябожниками, а затѣмъ и сами имябожники, по распоряженію патріарха и кинота, будутъ изгнаны оттуда занимающей Св. Гору греческой военной силой. Само собою разумѣется, что русская государственная власть ни изгнанія православныхъ еретиками, ни предоставленія тысячъ русскихъ подданныхъ и многомилліоннаго имущества русскихъ монастырей волѣ другого государства допустить не могла, а послѣ того, какъ патріархъ всецѣло предоставилъ умиротвореніе русскихъ обителей русской церковной власти, не могла допустить этого и власть церковная. Поэтому Святѣйшій Сунодъ счелъ долгомъ пойти навстрѣчу патріарху и раздѣлить заботы Константинопольской Церкви о ея непослушныхъ чадахъ, еще недавно, до пріѣзда на Аѳонъ, бывшихъ чадами Церкви русской. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Святѣйшій Сунодъ сознавалъ свой долгъ оказать помощь и поддержку все болѣе и болѣе рѣдѣющимъ рядамъ защитниковъ православія, частію избитыхъ, изгнанныхъ изъ обителей и скитающихся по Аѳону, снискивая пропитаніе подаяніемъ, частію страдающихъ отъ притѣсненій имябожниковъ въ обителяхъ. Наконецъ, участія Святѣйшаго Сунода требовала и опасность совершенной утраты Аѳона, съ самыхъ первыхъ страницъ русской церковной исторіи имѣвшаго столь великое значеніе въ религіозной жизни православнаго русскаго народа и имѣющаго его и въ настоящее время, когда тысячи русскихъ паломниковъ ежегодно посѣщаютъ Св. Гору, изобильно почерпая здѣсь духовную отраду, утѣшеніе и назиданіе, а милліоны

листковъ и брошюръ аѳонскаго изданія распространяютъ духовный свѣтъ по всему лицу земли Русской. Но опасность утраты Аѳона была еще не самою грозною опасностью для Церкви, ибо, въ случаѣ полнаго торжества имябожниковъ, Аѳонъ изъ обильнаго источника духовнаго назиданія превратился бы въ средоточіе пропаганды еретическаго ученія въ Россіи, а борьба съ такой пропагандой была бы необыкновенно трудной, ибо въ рукахъ еретиковъ оказалось бы все то, что до сихъ поръ служило къ укрѣпленію православной Церкви, и все это,— церковныя святыни, обаяніе Аѳона въ народѣ, монастырская организація, громадныя матеріальныя средства,— было бы использовано во вредъ православію. Итакъ желаніе оказать братскую помощь Константинопольской Церкви и защитить своихъ недавнихъ чадъ, гонимыхъ за твердость въ вѣрѣ лжеучителями, а главное, опасеніе утраты Аѳона или, что еще хуже, превращенія русскаго Аѳона въ опору еретическаго нечестія и источникъ опасной пропаганды--таковы тѣ побудительныя причины, которыя заставили Святѣйшій Сvнодъ принять участіе въ борьбѣ противъ лжеученія. 18 мая сего года было опубликовано посланіе Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Сvнода всечестнымъ братіямъ, въ иночествѣ подвизающимся, съ подробнымъ опроверженіемъ ученія имябожниковъ и съ перечнемъ мѣропріятій противъ распространенія его въ русскихъ монастыряхъ, а опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода, отъ 16—17 мая, съ согласія патріарха и его Сvнода, на Аѳонъ былъ посланъ для увѣщанія членъ Святѣйшаго Сvнода и Государственнаго Совѣта архіепископъ Никонъ и, въ его распоряженіе, магистръ богословія коллежскій совѣтникъ Троицкій. Увѣдомленный о посланіи архіепископа патріархъ извѣстилъ о его пріѣздѣ аѳонскій кинотъ. Во время пути на Аѳонъ командированныя лица посѣтили (29 мая, 2 и 3 іюня) подворья аѳонскихъ обителей въ Одессѣ и Константинополѣ, и архіепископъ велъ здѣсь собесѣдованіе съ имябожниками. 1-го іюня архіепископъ Никонъ былъ

принятъ Вселенскимъ патріархомъ Германомъ V и вручилъ ему представительное посланіе Святѣйшаго Сvнода, получивъ отъ него грамоту на имя кинота. 4 іюня на канонерской лодкѣ «Донецъ» архіепископъ вмѣстѣ съ Троицкимъ и командированными Императорскимъ посломъ въ Константинополѣ генеральнымъ консуломъ посольства Шебунинымъ и чиновниками посольства Серафимовымъ и Щербиною выѣхалъ на Аѳонъ и прибылъ туда на слѣдующій день. Въ продолженіе пятинедѣльнаго пребыванія на Аѳонѣ архіепископомъ Никономъ и магистромъ богословія Троицкимъ были употреблены всѣ усилія къ тому, чтобы подѣйствовать на заблуждающихся словомъ убѣжденія. По распоряженію архіепископа въ монастырскомъ храмѣ было прочитано посланіе Святѣйшаго Сvнода противъ лжеученія, читать которое ранѣе запрещали главари имябожниковъ; въ храмѣ, въ архонтарикѣ, въ монастырской библіотекѣ, въ трапезной, въ больницѣ, въ аптекѣ и даже у воротъ монастыря и на «Донцѣ» многократно устраивались собесѣдованія, въ монастырской библіотекѣ желающимъ предлагались для чтенія святоотеческія творенія съ отмѣченными мѣстами, опровергающими лжеученіе, монахамъ раздавались брошюры, привезенныя изъ Россіи, и листки, составленные архіепископомъ и Троицкимъ и изданные уже на Аѳонѣ. По порученію архіепископа Троицкій посѣщалъ заблуждающихся монаховъ и въ ихъ келіяхъ. Собесѣдованія велись не только въ монастырѣ, но и въ его скитахъ Ѳиваидѣ и Старомъ Руссикѣ, а также (Троицкимъ) въ Андреевскомъ скиту и въ шести болѣе зараженныхъ лжеученіемъ келіяхъ, куда предпринимались съ этою цѣлію поѣздки. По распоряженію архіепископа къ эктеніямъ были приложены прошенія объ искорененіи заблужденія и назначенъ былъ трехдневный постъ, а затѣмъ бдѣніе и литургія, при чемъ въ монастырь посланіемъ архіепископа были приглашены и русскіе келліоты для общебратской съ крестнымъ обхожденіемъ обители молитвы о вразумленіи заблудшихъ и водвореніи церков-

наго мира. Изгнанные имябожниками ревностные защитники православія были возвращены въ монастырь. Всѣ эти мѣры имѣли, хотя значительный, но все же далеко не полный успѣхъ. Если до прибытія «Донца» православныхъ оставалось всего одна четверть, а сами имябожники насчитывали ихъ всего 100 человѣкъ изъ 1700, то теперь численность православныхъ дошла до двухъ третей всего состава монашествующихъ, но всѣ старанія повліять и на остальную треть ни къ чему не привели. Во главѣ упорствующихъ стояли лица, получившія, опираясь на имябожническое движеніе, власть и стремившіяся всѣми способами сохранить ее. Среди нихъ были опытные агитаторы, иногда съ уголовнымъ прошлымъ, умѣвшіе держать путемъ обмана легковѣрную и невѣжественную толпу въ слѣпомъ повиновеніи. Здѣсь на успѣхъ однихъ увѣщаній разсчитывать было нельзя уже потому, что вожаки не допускали никакихъ увѣщаній, а при попыткахъ произвести ихъ шумѣли, затѣмъ или уводили своихъ единомышленниковъ или изгоняли увѣщевающихъ, а предлагаемые листки и брошюры рвали и жгли. Не слушая командированныхъ Святѣйшимъ Сунодомъ лицъ, упорствующіе не желали подчиняться и власти свѣтской. Попытка генеральнаго консула произвести 7 іюня провѣрку паспортовъ вызвала звонъ въ набатъ и открытый бунтъ, такъ что пришлось для охраны чиновниковъ вызвать вооруженныхъ матросовъ. Между тѣмъ поведеніе упорствующихъ становилось все болѣе и болѣе вызывающимъ. Они перестали поминать патріарха и Святѣйшій Сунодъ за богослуженіемъ, а вмѣсто нихъ стали поминать своихъ вождей, читали за богослуженіемъ ихъ брошюры, захватили ключи отъ кассы (2 изъ 3-хъ), ризницы, погребовъ и другихъ монастырскихъ учрежденій, оскорбляли и запугивали православныхъ, поносили архіепископа, грозили произвести поджогъ и захватить кассу и т. п. Какъ со стороны русскихъ православныхъ монаховъ, такъ и кинота, поданы были заявленія съ настойчивой просьбой удалить упорствующихъ съ Аѳона,

но представители свѣтской власти рѣшили сначала водворить хотя внѣшній порядокъ на Аѳонѣ и съ этою цѣлью сюда была вызвана изъ Константинополя рота солдатъ. Рота прибыла на пароходѣ «Царь» 11-го іюня, а 13-го не безъ попытки сопротивленія со стороны упорствующихъ была введена въ монастырь и стала охранять монастырскія учрежденія. При охранѣ солдатъ съ 14 по 17 іюня въ монастырѣ произведена была перепись православныхъ и имябожниковъ. Первыхъ оказалось 661, вторыхъ 517, а 360 къ переписи не явилось. Но и прибытіе роты мало измѣнило положеніе дѣла. Упорствующіе продолжали противиться и монастырскимъ и гражданскимъ властямъ и кромѣ того стали оскорблять солдатъ и даже бросать въ нихъ по ночамъ камнями. Убѣдившись, что оставить упорствующихъ на Аѳонѣ—это значитъ предоставить православныхъ иноковъ опасности избіенія и изгнанія имябожниками, а русскіе монастыри опасности захвата греками, объявившими, что еретики не могутъ жить на Св. Горѣ, генеральный консулъ просилъ посла прислать пароходъ съ полуротой солдатъ и 3 іюля, по прибытіи парохода «Херсонъ», произвелъ съ помощью войска посадку на него имябожниковъ Пантелеимоновскаго монастыря. Значительная часть ихъ шла на пароходъ добровольно, но вожаки секты вмѣстѣ съ наиболѣе преданными послѣдователями рѣшительно отказались исполнить приказаніе власти и пошли на пароходъ только тогда, когда въ ходъ были пущены пожарныя трубы и солдаты стали насильно вытаскивать монаховъ изъ коридора, при чемъ было легко ранено 25 монаховъ. Изъ Андреевскаго же скита упорствующіе отправились 6—7 іюля на пароходѣ безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ. На пароходѣ было отправлено и имущество монаховъ. Изъ русскихъ келій на пароходъ никого отправлять не пришлось, такъ какъ 7 іюля на собраніи братства русскихъ келліотовъ Троицкому удалось убѣдить всѣхъ старцевъ подписать отреченіе отъ ереси вмѣстѣ съ обязательствомъ не допускать въ келіи имябожниковъ. Отрече-

ніе это было потомъ представлено Святѣйшему Сvноду. 9 іюля 621 взятыхъ изъ обѣихъ обителей имябожниковъ были отправлены въ Одессу. 11 іюля на обратномъ пути архіепископъ Никонъ имѣлъ бесѣду съ патріархомъ и по его предложенію представилъ ему затѣмъ два списка имябожниковъ: списокъ вождей секты и списокъ лицъ, вовлеченныхъ въ обманъ первыми. 13 іюля монахи прибыли въ Одессу и здѣсь, сообразно даннымъ Константинопольскимъ посольствомъ тит. совѣт. Щербинѣ инструкціямъ, а также указаніямъ командированнаго въ Одессу директора Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сvнода, д. с. с. Яцкевича и мѣстныхъ властей, распредѣлены на нѣсколько группъ. Лица, признанныя въ санѣ и монашествѣ русскою церковною властью, въ числѣ 8 были отправлены на подворье Андреевскаго скита, 40 человѣкъ, обвиняемыхъ и подозрѣваемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, были отправлены въ тюрьму, а остальные были направлены по проходнымъ свидѣтельствамъ въ мірскомъ одѣяніи для водворенія на родину по мѣстамъ приписки. Книги и церковныя вещи были отобраны и распредѣлены на три разряда: 1) принадлежащія самимъ монахамъ, 2) похищенныя монахами изъ обителей, 3) брошюры и листки еретическаго содержанія. Первыя предположено возвратить монахамъ, а вторыя и третьи задержать впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. 17 іюля на пароходѣ «Чихачевъ» въ Одессу прибыли еще 212 монаховъ, по большей части сторонниковъ лжеученія, которые, по провѣркѣ документовъ, были временно распредѣлены по аѳонскимъ подворьямъ. Изъ донесеній архіепископа Назарія и прошеній монаховъ усматривается, что привезенные и добровольно пріѣхавшіе имябожники ведутъ пропаганду въ народѣ, но что нѣкоторые изъ нихъ раскаиваются въ своемъ заблужденіи и просятъ разрѣшенія или вернуться на Аѳонъ или поселиться въ какомъ-либо изъ находящихся въ Россіи монастырей. Положеніе нѣкоторыхъ монаховъ весьма тяжелое, такъ какъ сами они не могутъ по старости и слабости сниски-

вать себѣ пропитаніе, а ни своихъ средствъ, ни могущихъ содержать ихъ родственниковъ не имѣютъ. Монахъ Дометій проситъ Святѣйшій Сѵнодъ пересмотрѣть рѣшеніе относительно имябожниковъ, поручивъ разслѣдовать дѣло указываемымъ имъ епископамъ. Обсудивъ изложенное и признавая правильными и цѣлесообразными дѣйствія командированныхъ на Аѳонъ лицъ, а принудительное выселеніе имябожниковъ свѣтскою властію дѣломъ печальной, но неизбѣжной необходимости и, съ одной стороны, заботясь объ огражденіи вѣрующихъ отъ соблазна, а съ другой, снисходя къ бѣдственному положенію прельщенныхъ вожаками многихъ простецовъ, Святѣйшій Сѵнодъ, дабы «не оставить ни кротости слабою, ни строгости жестокою», опредѣляетъ: 1) усвоить послѣдователямъ новаго лжеученія наименованіе имябожниковъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующее содержанію ихъ ученія, 2) отправить прилагаемое при семъ посланіе отъ имени Святѣйшаго Сѵнода его всесвятѣйшеству Вселенскому патріарху Герману V съ просьбой произвести каноническій судъ надъ упорствующими, подчиненными его духовной власти, а раскаявшихся разрѣшить Россійскому Святѣйшему Сѵноду принимать въ церковное общеніе и сообщить рѣшеніе Константинопольскаго священнаго Сѵнода относительно этого дѣла, 3) по полученіи отвѣта отъ патріарха имѣть сужденіе о дальнѣйшихъ мѣрахъ, касающихся упорствующихъ имябожниковъ, 4) поручить миссіонерамъ и священникамъ тѣхъ приходовъ, гдѣ проживаютъ имябожники, принять мѣры къ предупрежденію распространенія ими своего лжеученія и увѣщевать ихъ, 5) если кто-либо изъ имябожниковъ самъ пожелаетъ принести чистосердечное раскаяніе или хотя бы только усомнится въ своемъ заблужденіи, то предоставить таковому обратиться къ игумену ближайшаго монастыря или мѣстному священнику, который: а) тщательно испытаетъ его вѣрованіе о имени Божіемъ, б) раскроетъ ему православное ученіе о немъ и в) убѣдившись въ искренности его обращенія посред-

ствомъ испытанія его совѣсти на исповѣди, не разрѣшая его, предложитъ ему подписать отреченіе отъ ереси, о чемъ и донесетъ письменно епископу, если возможно через самого кающагося, дабы епископъ могъ и лично побесѣдовать съ нимъ, 6) предоставить епархіальному епископу: а) разрѣшить таковаго отъ грѣха ереси и противленія Церкви лично или чрезъ донесшаго и наложить по своему усмотрѣнію епитимію, б) допустить его ко святому причащенію и разрѣшить поступать въ тотъ монастырь, куда примутъ, предписавъ настоятелю и духовнику сего монастыря подвергнуть его строгому надзору, 7) зачисленіе въ братію или признаніе его въ монашескомъ званіи отложить на предписанный закономъ срокъ, въ продолженіе коего онъ долженъ находиться въ числѣ испытуемыхъ, 8) препроводить къ епархіальнымъ преосвященнымъ алфавитные списки высланныхъ и добровольно пріѣхавшихъ въ Россію имябожниковъ для разсылки этихъ списковъ настоятелямъ монастырей съ запрещеніемъ принимать въ монастырь упомянутыхъ въ спискахъ лицъ безъ особаго разрѣшенія епархіальной власти, 9) прошеніе монаха Дометія, какъ незаслуживающее удовлетворенія, оставить безъ послѣдствій, и 10) перепечатать во всѣхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ выдержки изъ настоящаго опредѣленія Святѣйшаго Сунода и доклада архіепископа Никона.

Форма обѣщанія для возвращающихся къ ученію православной Церкви имябожниковъ.

Мы, нижеподписавшіеся, искренно сознавая, что впали въ еретическое мудрованіе, принявъ за истину ложное ученіе, будто имена Божіи, особенно же имя Іисусъ, есть Самъ Богъ, и глубоко раскаиваясь въ семъ заблужденіи, преискренне возвращаемся къ ученію православной Церкви, изложенному въ грамотахъ святѣйшихъ Вселенскихъ патріарховъ Іоакима III и Германа V и

въ посланіи Святѣйшаго Сунода Всероссійской Церкви, всѣмъ сердцемъ пріемлемъ и лобызаемъ оное ученіе, исповѣдуя, что святѣйшія имена Господа Іисуса Христа и всѣ имена Божіи должны почитать относительно, а не боголѣпно, отнюдь не почитая ихъ Богомъ Самимъ, а только признавая божественными, въ полнотѣ своего смысла единому Богу приличествующими, ученіе же, содержащееся въ книгахъ „На горахъ Кавказа“ монаха Иларіона, „Апологія“ іеросхимонаха Антонія Булатовича и имъ подобныхъ, отметаемъ яко противное чисто-православному ученію Святой Церкви о именахъ Божіихъ, яко ведущее къ суевѣрію, къ злочестивому пантеизму или всебожію, самыя же книги вышепоименованныя отвергаемъ и вѣрить онымъ отрицаемся.

Во свидѣтельство же искренности сего нашего предъ Богомъ покаяннаго исповѣданія благоговѣйно цѣлуемъ Крестъ и Евангеліе нашего Спасителя Іисуса Христа. Аминь.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ въ 28-ой день іюня 1913 года на награжденіе медалями съ надписью „за усердіе“: 1) Заштатнаго псаломщика церкви села Бѣлавичи, Слонимскаго уѣзда, Якова Цебрикова—золотою для ношенія на шеѣ на Александровской лентѣ, за 50-ти лѣтнюю службу; 2) Діакона Гродненской Рождество-Богородичной церкви, нынѣ священника Любашской церкви, Брестскаго уѣзда, Петра Самойловича—серебряною для ношенія на груди за труды по народному образованію.

Высочайше пожалованы къ 14 апрѣля сего 1913 г. серебряными медалями, для ношенія на груди на Станиславской лентѣ, церковные старосты церквей: с. Ногородовичи, Слонимскаго уѣзда, Константинъ Кошко и м. Бездѣжа, Кобринскаго уѣзда, Михаилъ Кондзерскій.

Къ свѣдѣнію о.о. Благочинныхъ и Настоятелей Гродненской епархіи.

Отношеніе Гродненской Казенной Палаты отъ 11-го сентября с. г. за № 21006 на имя Гродненской Духовной Консисторіи:

„Департаментъ Окладныхъ сборовъ циркуляромъ отъ 7 августа 1913 года за № 9872, сообщилъ Палатѣ, что по имѣющимся въ Департаментѣ свѣдѣніямъ въ предѣлахъ Имперіи водворяются фальшивыя гербовыя марки 75 и 50 копеечнаго достоинства, изготовленныя за-границею и что возможно появленіе и фальшивыхъ вексельныхъ бланковъ.

Въ виду этого Палата проситъ Духовную Консисторію сдѣлать распоряженіе о тщательномъ наблюденіи за гербовыми марками, коими уплачивается гербовый сборъ по бумагамъ, актамъ и документамъ, подаваемымъ въ подвѣдомственныя Консисторіи установленія и должностнымъ лицамъ.

Всѣ, возбуждающія сомнѣнія въ подлинности, гербовыя марки должны быть присылаемы въ Казенную Палату для представленія ихъ въ Департаментъ, съ цѣлью производства экспертизы ихъ“.

Похищенія изъ церкви.

I.

Злоумышленниками похищено въ Грабарской церкви, Дрогичинскаго благочинія, изъ сундука полтора пуда свѣчъ бѣлаго воска на 51 рубль.

II.

Злоумышленниками сдѣлана кража въ Олекшицкой церкви изъ свѣчного ящика 14 руб. 45 коп. и деревянной кружки у иконы Божіей Матери около 10 или 15 рублей.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Въ Попинскую церковь, Бездѣжскаго благочинія, отъ прихожанъ сей церкви, находящихся на заработкахъ въ Америкѣ, поступили слѣдующія пожертвованія: 1) Напрестольное евангеліе, въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ, съ чеканными досками, накладными эмалированными розетками и рельефными изображеніями—съ одной стороны Воскресенія Христова и четырехъ евангелистовъ, а съ другой—Благовѣщенія Пресвятой Богородицы; стоимость евангелія двѣсти рублей. 2) Икона Казанской Божіей Матери въ серебряной вызолоченной ризѣ, стоимостью 14 руб. Всего же пожертвовано на сумму 214 руб.

Всѣмъ жертвователямъ резолюціей Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Михаила, Архіепископа Гродненскаго и Брестскаго, отъ 11 Сентября сего 1913 года за № 2954 преподано Архипастырское благословеніе съ выдачею грамоты.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Гродненскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

За назначеніемъ Слонимскаго Уѣзднаго Наблюдателя церковныхъ школъ, священника о. Н. Аносова на должность епархіальнаго противокатолическаго и противосектантскаго миссіонера-проповѣдника Гродненской епархіи, мѣсто Слонимскаго Уѣзднаго Наблюдателя вакантно.

Резолюціями Его Высокопреосвященства:

отъ 4 сентября за № 2852 псаломщикъ Рогачской церкви, Брестскаго уѣзда, Іосифъ Пешко перемѣщенъ, по прошенію, на такую же вакансію къ Райской церкви, Бѣльскаго уѣзда;

отъ 9 сентября за № 2917 окончившій курсъ Волынской Духовной Семинаріи Доримедонтъ Хомюкъ назначенъ на вакансію священника къ Чернянской церкви, Брестскаго уѣзда;

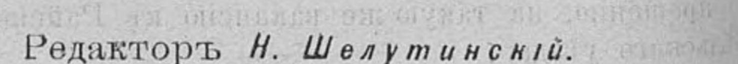
за № 2916 окончившій курсъ Житомирскаго училища пастырства діаконъ Николай Кандельскій согласно прошенію, назначенъ на вакансію священника къ Дѣтковичской церкви, Кобринскаго у.;

отъ 11 сентября за № 2956 священникъ Любищицкой церкви, Слонимскаго уѣзда, Константинъ Зенковичъ перемѣщенъ, для пользы службы къ Замшанской церкви, Брестскаго уѣзда.

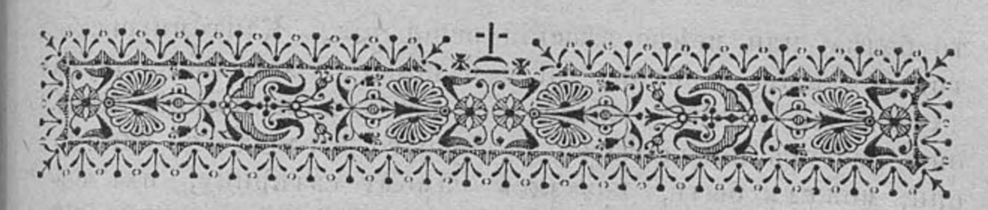
ВАКАНТНЫЯ МѢСТА:

Священниковъ: въ м. Дрогичинѣ, Бѣльскаго уѣзда, 2-го священника; с. Лашевичахъ, Волковыскаго уѣзда, с. Вавуличахъ, Кобринскаго уѣзда, Зельвѣ, Волковыскаго уѣзда, 2-го священника, и с. Мотыкалахъ, Брестскаго у.

Псаломщиковъ: с. Суражѣ, Бѣлостокскаго уѣзда, с. Ятвѣсскѣ, Волковыскаго уѣзда, с. Барщевѣ, Брестскаго уѣзда, с. Байкахъ, Пружанскаго у., с. Збуражѣ, Брестскаго уѣзда, с. Стриговѣ, Кобринскаго уѣзда, с. Роготнѣ, Слонимскаго уѣзда, с. Здитовѣ, Кобринскаго у., с. Добромыслѣ, Слонимскаго у., Бѣломъ-Селѣ, Пружанскаго уѣзда, м. Цѣхановцѣ, Бѣльскаго уѣзда, м. Шудяловѣ, Сокольскаго уѣзда, м. Мстибовѣ, Волковыскаго уѣзда, с. Нововолѣ, Бѣлостокскаго уѣзда, с. Хорошевичахъ, Волковыскаго уѣзда, с. Рудѣ-Яворской, Слонимскаго уѣзда, и с. Рогачахъ, Брестскаго уѣзда.

Редакторъ *Н. Шелутинскій.*

ГРОДНЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Вопросъ о просвѣщеніи въ русской литературѣ.

Въ настоящее время, можно сказать—наканунѣ введенія всеобщаго обученія въ Россіи, вопросы образованія и просвѣщенія должны интересовать русское общество въ особенности. Но не только теперь, а и всегда и вездѣ просвѣщеніе было и будетъ насущнѣйшею потребностью человѣка, а потому всегда былъ и будетъ также существовать и вопросъ о просвѣщеніи. Въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ стала насаждаться наука въ западно-европейскомъ смыслѣ, громко сталъ заявлять о себѣ и вопросъ о просвѣщеніи.

Еще незнакомое съ Ж. Ж. Руссо и его идеями, русское общество однако уже заявляло свои требованія къ просвѣщенію, свое пониманіе его. И если это отношеніе русскаго общества къ просвѣщенію было враждебно въ одной части его, потому что она не понимала науки и не стремилась къ ней, (хотя странно для человѣка не стремиться къ свѣту), то другая часть русскаго общества становилась въ оппозицію новому просвѣщенію, имѣя на

то болѣе или менѣе вѣсскія основанія. Кантемировскіе типы ханжи Критона и помѣщика Сильвана, двухъ „хулителей ученія“, вовсе ужъ не такъ ничтожны, какъ они могутъ показаться съ перваго взгляда и какими они, можетъ быть, казались самому сатирику, ихъ создавшему. Можетъ быть постановка ихъ возраженій противъ науки была дѣйствительно слаба, но тѣ вопросы, которые они подняли этими своими возраженіями, безъ сомнѣнія, никто не сочтетъ мелкими и ничтожными, какъ то вопросы: объ отношеніи между наукой и религіей—съ одной стороны (ханжа Критонъ) и о практическомъ примѣненіи науки—съ другой—(помѣщикъ Сильванъ). Важность этихъ вопросовъ, возбужденныхъ у Кантемира этими двумя „хулителями ученія“, доказывается уже тѣмъ, что на нихъ счелъ необходимымъ отвѣтить самъ основатель новой науки въ Россіи Ломоносовъ [1]). И въ послѣдующее время какъ эти, такъ и другіе вопросы о просвѣщеніи постоянно обсуждались въ русской литературѣ, притомъ какъ писателями прозаиками, такъ и писателями поэтами.

Но какъ ни близки были вопросы образованія и просвѣщенія русской литературѣ и какъ ни часто они обсуждались въ ней,—твердо установленныхъ, общепринятыхъ взглядовъ и воззрѣній мы находимъ въ ней немного и притомъ не только по второстепеннымъ, но даже и принципіальнымъ вопросамъ. Это блестяще раскрылъ въ свое время Левъ Толстой въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ. Предлагаемая благосклонному вниманію читателя статья имѣетъ цѣлью выяснить то общее, что однако, при всемъ разнообразіи мнѣній, проходитъ красною нитью въ сочиненіяхъ русскихъ писателей и преимущественно поэтовъ.

Что наши поэты, наравнѣ съ прозаиками, обсуждали вопросы о просвѣщеніи, это не удивительно. Художники

---

[1]) „Согласіе естествознанія съ религіей“, „Слово о пользѣ химіи“, „Программа физики“, „Слово о происхожденіи свѣта“ и др. соч. Ломоносова.

слова, къ какимъ и принадлежатъ наши лучшіе писатели, изображая жизнь русскихъ людей, не могли, конечно, обойти молчаніемъ такого крупнаго явленія ея, какъ просвѣщеніе, просвѣщенность русскихъ людей. Нѣкоторые изъ нашихъ писателей даже и изображали русскую жизнь съ этой именно точки зрѣнія (Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ, по толкованію Гоголя). Съ другой стороны, сами писатели, освѣщая намъ жизнь высшимъ разумнымъ свѣтомъ, должны носить въ себѣ тотъ идеалъ просвѣщенія и просвѣщенности, съ точки зрѣнія котораго они оцѣниваютъ данную реальную жизнь, ибо художникъ, какъ это прекрасно выразилъ Гоголь въ повѣсти „Портретъ", не подчиняться долженъ изображаемому имъ оригиналу, но стоять выше его, вкладывая въ него свою мысль, свою идею. Не даромъ же лучшіе художники слова считаются учителями жизни, выразителями лучшихъ стремленій идеаловъ народа.

Но что же такое просвѣщеніе, обсужденіемъ котораго, можно сказать, постоянно занималась русская литература? Разсмотримъ его сначала по существу, а потомъ посмотримъ, какъ понимали его наши лучшіе писатели.

Просвѣщеніе есть синонимъ образованія и тѣсно связано съ послѣднимъ. Въ понятіи же образованія, очевидно, входитъ признакъ внутренняго духовнаго роста человѣка, ибо слово это въ нашемъ языкѣ приложимо не только къ человѣку, существу духовно-тѣлесному, но также и къ предметамъ вещественнымъ. Такъ мы говоримъ, объ образованіи горъ, минеральныхъ тѣлъ и т. под., разумѣя подъ этимъ, очевидно, увеличеніе въ ростѣ и пріобрѣтеніе той или другой формы предметомъ. Такъ какъ мышленіе въ языкѣ идетъ естественнымъ путемъ, отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному, отъ конкретнаго къ отвлеченному, то очевидно, что понятіе образованія перенесено на человѣка изъ физическаго міра и, слѣдовательно, по аналогіи должно быть понимаемо въ выше-

указанномъ смыслѣ. Какъ матеріальные предметы растутъ отъ прибавленія къ нимъ разныхъ веществъ, такъ и душа наша растетъ, благодаря притоку все новыхъ и новыхъ впечатлѣній изъ внѣшняго міра (объективнаго). Поэтому одинъ изъ философовъ душу, не обогащенную еще опытомъ, назвалъ tabula rasa, т. е. чистой дощечкой. И какъ матеріальные предметы, по окончаніи своего роста, пріибрѣтаютъ ту или иную форму, такъ должна формироваться и душа человѣка съ различныхъ сторонъ ея дѣятельности. Но на этомъ и кончается сходство между образованіемъ души и образованіемъ матеріальныхъ, неорганическихъ предметовъ. Такъ какъ въ неорганическихъ тѣлахъ нѣтъ внутренняго, объединяющаго начала, внутренней силы, оживляющей части, то послѣднія въ нихъ большей частью соединяются сами по себѣ, механически, не претворяясь въ другіе виды. Напротивъ, въ организмѣ всѣ вещества, поступающія въ него, перерабатываются имъ, претворяются въ другіе виды и потомъ уже усваиваются. Мы не имѣемъ основанія разсматривать душевную жизнь, какъ только механическое сцѣпленіе душевныхъ явленій, хотя такой взглядъ на душевную жизнь и высказывался въ наукѣ. Мы, напротивъ, думаемъ, что душа наша есть организмъ, наподобіе того, который она одухотворяетъ и съ которымъ живетъ одною общею жизнью. Многочисленные факты показываютъ, что между ею и тѣломъ человѣка существуетъ полный параллелизмъ явленій, который станетъ легко понятенъ, если мы примемъ во вниманіе ту мысль, что человѣкъ, въ сущности, есть единое существо, только двусторонне проявляющееся. Но если душа есть организмъ, наподобіе того тѣлеснаго организма, которое она одухотворяетъ, то, значитъ, она уже не принимаетъ въ себя впечатлѣній механически, не перерабатывая ихъ,—напротивъ, претворяетъ ихъ сообразно своей природѣ и тогда только усваиваетъ ихъ. Поэтому душевное развитіе надо понимать не въ смыслѣ только обогащенія впечатлѣніями, опытомъ вообще, но также и въ смыслѣ

упражненія, возрастанія тѣхъ душевныхъ силъ, которыя имѣютъ дѣло съ этимъ опытомъ. Образованіе, такимъ образомъ, въ психологическомъ смыслѣ есть послѣдовательное взаимодѣйствіе субъекта—душевныхъ силъ и объекта—внѣшнихъ впечатлѣній.

Это—понятіе образованія въ самомъ широкомъ смыслѣ. Оно приложимо ко всѣмъ условіямъ жизни человѣка. Въ такомъ смыслѣ, напримѣръ, понимаетъ образованіе Толстой [1]). „Образованіе въ обширномъ смыслѣ, говоритъ онъ, составляетъ совокупность всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя развиваютъ человѣка, даютъ ему болѣе обширное міросозерцаніе, даютъ ему новыя свѣдѣнія. Дѣтскія игры, страданія, наказанія родителей, книги, работы, ученіе насильственное и свободное, искусства, науки, жизнь—все образовываетъ“.

Но поскольку каждый человѣкъ представляетъ изъ себя часть какого-нибудь кружка, общества или народа, къ которымъ онъ принадлежитъ, постольку образованіе его понимается какъ усвоеніе имъ того духовнаго богатства, тѣхъ духовныхъ цѣнностей, которыя считаются таковыми въ этомъ кружкѣ, обществѣ или народѣ и которыя, въ силу закона преемственности историческаго развитія человѣчества, по необходимости должны основываться на духовныхъ богатствахъ, духовныхъ цѣнностяхъ прежнихъ эпохъ. А такъ какъ человѣчество изъ всѣхъ духовныхъ цѣнностей преимущественно прогрессировало въ накопленіи знаній, то поэтому образованіе въ тѣсномъ смыслѣ означаетъ усвоеніе именно главнымъ образомъ знаній.

Понятіе о просвѣщеніи, такъ же какъ и о понятіе объ образованіи, составилось по аналогіи съ физическимъ освѣщеніемъ. Въ физическомъ же мірѣ свѣтъ играетъ громадную роль; поэтому онъ долженъ имѣть важное значеніе и для человѣка. Только благодаря свѣту мы

---

[1]) Въ статьѣ: „Воспитаніе и образованіе“. Педагог. соч.

знаемъ о существованіи предметовъ, такъ какъ большая часть впечатлѣній получается нами посредствомъ органа зрѣнія, а зрѣніе не можетъ функціонировать безъ свѣта. Далѣе, только при свѣтѣ мы знаемъ предметы такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ, и не ошибаемся въ своихъ сужденіяхъ о нихъ, и дѣятельность наша, основанная на этихъ знаніяхъ, становится безошибочною. Слѣдовательно, просвѣщеніе должно давать тотъ свѣтъ для нашего духа, благодаря которому мы бы знали вещи такими, каковы онѣ суть на самомъ дѣлѣ, и не ошибались бы ни въ своихъ сужденіяхъ о нихъ, ни въ своей дѣятельности, основанной на этихъ сужденіяхъ. Есть два міра: эмпирическій, представленіе о которомъ мы получаемъ посредствомъ органовъ чувствъ, и умопостигаемый, о которомъ мы узнаемъ только разумомъ. Просвѣщеніе должно сообщать намъ истинныя понятія объ умопостигаемомъ мірѣ, подобно тому какъ объ эмпирическомъ мірѣ мы узнаемъ посредствомъ органовъ чувствъ и при помощи физическаго свѣта. Такъ какъ на представленіяхъ и на знаніяхъ основывается вся жизнь нашей души и вся дѣятельность человѣка, то ясно, что просвѣщеніе должно имѣть весьма важное значеніе для образованія человѣка, понимаемаго въ обширномъ смыслѣ. Именно, ростъ души, а также дѣятельность человѣка будутъ правильнѣе, нормальнѣе, чѣмъ болѣе къ истинѣ будетъ приближаться тотъ свѣтъ, который долженъ являться, какъ результатъ просвѣщенія человѣка. „Свѣтильникъ для тѣла есть око. Итакъ, если око твое будетъ чисто, то все тѣло твое будетъ свѣтло; если же око твое будетъ худо, то все тѣло твое будетъ темно",— говорится въ евангеліи (Мѳ. 6, 22, 23).

Лучшіе наши писатели, изображая въ своихъ сочиненіяхъ русскихъ людей своего времени, указывали на тѣ недостатки въ нихъ, которые проистекали у нихъ изъ ложно понятнаго просвѣщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ высказывали и свой взглядъ на просвѣщеніе. Такъ, на-

примѣръ, писатели Екатерининскаго времени—сама императрица Екатерина II, Фонъ-Визинъ,—въ разныхъ, выведенныхъ въ ихъ произведеніяхъ, типахъ показали извращеніе нравственныхъ понятій и отношеній, зависѣвшее отъ односторонности тогдашняго западно-европейскаго просвѣщенія (Олимпіада Ворчалкина, Фирлифюшкинъ—у Екатерины II, Иванушка, Совѣтница—у Фонъ-Визина). Это просвѣщеніе отличалось исключительно умственнымъ характеромъ, такъ что все, что, съ точки зрѣнія ума, не могло быть понятно или представлялось не раціональнымъ, было отвергаемо какъ предразсудокъ, пережитокъ. Въ противоположность такому чисто умственному характеру западно-европейскаго просвѣщенія, русскіе писатели Екатерининскаго времени стали цѣнить преимущественно предъ умомъ нравственныя качества въ человѣкѣ. Такъ, напримѣръ, Фонъ-Визинъ устами Стародума заявилъ, что „умъ, какъ онъ только что умъ,—сущая бездѣлица“, а что „прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа; безъ нея просвѣщеннѣйшая умница—жалкая тварь“ (ком. „Недоросль“).

Согласно съ вышеуказанными писателями—Импер. Екатериной II и Фонъ-Визинымъ—и баснописецъ совѣтуетъ гораздо разбирать,

Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
(Басня „Червонецъ“).

Чтобы такого результата отъ просвѣщенія не было, баснописецъ полагаетъ, что просвѣщеніе должно быть и религіознымъ, и нравственнымъ (Басня „Безбожники“, басня „Сочинитель и разбойникъ“).

О дѣйствующихъ лицахъ комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“ Гоголь высказался такъ, что они суть дѣти полупросвѣщенія,—такъ же, какъ дѣйствующія лица „Недоросля“ Фонъ-Визина—дѣти непросвѣщенія. „Болѣзни“ этихъ дѣйствующихъ лицъ произошли отъ дурно понятаго просвѣщенія, оттого, что они глупыя свѣтскія мелочи приняли вмѣсто главнаго. Слѣдствіемъ этого было то, что каждое изъ дѣйствующихъ лицъ „Горе отъ ума“, говоритъ Гоголь, окарикатурило какое-нибудь мнѣніе, правило, мысль, извративши по-своему законный смыслъ ихъ: Фамусовъ, Молчалинъ—гражданскую службу, Скалозубъ—службу военную, Хлестова—свое помѣщичье положеніе и такъ далѣе [1]). Что же касается того, какъ самъ Грибоѣдовъ смотритъ на просвѣщеніе, то объ этомъ можно судить по типу Чацкаго, который обыкновенно считается выразителемъ взглядовъ Грибоѣдова. Но положительные взгляды Грибоѣдова остаются неясными, такъ какъ Чацкій въ комедіи, по словамъ Гоголя, „показываетъ только стремленіе чѣмъ-то сдѣлаться, выражаетъ только негодованіе противу того, что презрѣнно и мерзко въ обществѣ, но не даетъ въ себѣ образца обществу... Зритель, говоритъ Гоголь, остается въ недоумѣніи насчетъ того, чѣмъ долженъ быть русскій человѣкъ“ [2]).

Изображеніе того, чѣмъ долженъ быть русскій человѣкъ, изображеніе положительныхъ типовъ русскихъ людей, какъ извѣстно, не удалось и самому Гоголю (во 2-мъ томѣ „Мертвыхъ душъ“). Но Гоголь хорошо зналъ, въ чемъ должно состоять наше просвѣщеніе. „Просвѣтить, говорилъ онъ, не значитъ научить, или наставить, или образовать, или даже освѣтить, но *всего насквозь высвѣтлить человѣка, во всѣхъ его силахъ, а не въ одномъ умѣ, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь*“ [3]). Писатель, всю свою

---

[1]) „Такъ въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи?“

[2]) Тамъ же.

[3]) Переп. съ др. Письмо XVII. Курсивъ нашъ.

жизнь занимавшійся внутреннимъ нравственнымъ самоусовершенствованіемъ, „душевнымъ дѣломъ“, какъ онъ говорилъ [1]), и на просвѣщеніе смотрѣлъ, какъ на такой факторъ, который долженъ служить этому дѣлу. Просвѣщенія Гоголь ждалъ отъ церкви [2]).

Если отъ Гоголя, изображавшаго отрицательную сторону русской жизни, мы перейдемъ къ Пушкину, поэту преимущественно положительной стороны русской дѣйствительности, то увидимъ, что онъ, начавъ съ изображенія байроническихъ героевъ, слѣдовательно—людей, находившихся подъ сильнымъ западно-европейскимъ вліяніемъ, постепенно развѣнчивалъ ихъ, такъ что во второй половинѣ своей литературной дѣятельности положительно склонился на сторону простыхъ русскихъ людей, отличающихся „добрыми свойствами“, „силою духа“, по выраженію баснописца (Татьяна, Мироновы)... О Татьянѣ, своемъ любимѣйшемъ типѣ („Я такъ люблю Татьяну милую мою“), онъ выразился такъ, что она—„русская душой“. Но эта „русская душой“ Татьяна—идеалъ русской женщины по своимъ нравственнымъ качествамъ [3])

„Наука—дѣло одно, а просвѣщеніе—иное“, писалъ Достоевскій [4]). „Науки не заключаютъ еще въ себѣ всего цикла просвѣщенія“. „Просвѣщеніе есть свѣтъ духовный, озаряющій *душу*, просвѣщающій *сердце*, направляющій *умъ* и, указывающій ему дорогу жизни [5]). Такъ какъ просвѣщеніе должно озарять всю душу человѣка, между тѣмъ какъ наука освѣщаетъ только умъ, то отсюда слѣдуетъ, что долженъ быть еще другой источникъ просвѣщенія, кромѣ науки, который бы направлялъ и самый умъ. Такимъ источникомъ просвѣщенія, *при существованіи науки*, Достоевскій считаетъ христіанство. „Христіанство нашего народа, говоритъ онъ, есть и должно

---

[1]) Авторская исповѣдь.
[2]) Переп. П. XVII.
[3]) Достоевскій. Рѣчь о Пушкинѣ. Дневн.
[4]) Дневникъ 1880 г.
[5]) Тамъ же.

остаться навсегда самою главною и жизненною основой просвѣщенія его“ [1]). А что наука не можетъ быть единственною руководительницей въ жизни человѣка, это Достоевскій показываетъ въ своихъ поэтическихъ сочиненіяхъ. Изображая преимущественно интеллигентныхъ русскихъ людей, онъ указываетъ всевозможныя извращенія ихъ мысли, нравственныхъ понятій и отношеній, при этомъ нерѣдко зло высмѣивая свои типы [2]).

Также не признаетъ за наукой руководящаго значенія въ жизни и Толстой и такъ же, какъ Достоевскій, высмѣиваетъ лицъ, живущихъ одной наукой [3]). Толстой считаетъ наукой только „знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей“, а всѣ прочія науки—науками настолько, насколько близко онѣ стоятъ къ этой основной наукѣ. Поэтому „изученіе тѣлъ въ четвертыхъ измѣреніяхъ и таблицъ химическихъ соединеній и т. п. никогда не было и не будетъ наукой“, говоритъ Толстой [4]). Сердцу Толстого любезны основатели религій, философы и тому подобныя лица, уясняющія ему смыслъ жизни, а вовсе не ученые въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Видя же извращеніе природы въ жизни культурныхъ людей и ставя его въ зависимость отъ получаемаго ими образованія, Толстой готовъ даже совсѣмъ отвергнуть послѣднее, что и совѣтуетъ сдѣлать своимъ читателямъ. „Надо, говоритъ онъ, критически отнестись къ тому, что мы называемъ своимъ образованіемъ,—спросить себя: хорошія или дурныя свойства суть то, что мы называемъ образованіемъ. И если мы это сдѣлаемъ, заключаетъ Толстой, мы неизбѣжно будемъ приведены къ необходимости отречься отъ своего образованія и къ необходимости начать учиться снова“ [5]).

---

[1]) Дневникп, 1873 г.

[2]) Напримѣръ, П. П. Лужино, Лебезятникова и др. „Преступленіе и наказаніе“, ром.

[3]) Напр., въ ком. „Плоды просвѣщенія“.

[4]) Статья „Такъ что же намъ дѣлать?“

[5]) Тамъ же.

Разсмотрѣвъ понятіе о просвѣщеніи по существу, а также прослѣдивъ въ послѣдовательномъ историческомъ порядкѣ мнѣнія о просвѣщеніи нашихъ лучшихъ писателей-поэтовъ, мы по необходимости должны вывести то заключеніе, что просвѣщеніе есть такой факторъ въ жизни человѣка, который долженъ вліять на всю природу его, какъ умственную, такъ и нравственную, при этомъ тѣмъ или инымъ, благотворнымъ или неблаготворнымъ вліяніемъ просвѣщенія на нравственную природу человѣка должно оцѣниваться и то, истинно или ложно и само просвѣщеніе. Этому учатъ насъ всѣ наши лучшіе писатели, для которыхъ, какъ видно, дороже нравственныя качества человѣка, его неизвращенная цѣльная духовная природа, чѣмъ одна только умственная культура, хотя бы и обширная, но или безразличная для нравственной природы человѣка, или даже вредно отзывающаяся на ней.

„Есть много родовъ образованія и развитія, говоритъ Бѣлинскій, и каждое изъ нихъ важно само по себѣ, но всѣхъ ихъ выше должно стоять образованіе нравственное. Одно образованіе дѣлаетъ васъ человѣкомъ ученымъ, другое—человѣкомъ свѣтскимъ, третье—административнымъ, военнымъ, политическимъ и т. д., но нравственное образованіе дѣлаетъ васъ просто *человѣкомъ*, т. е. существомъ, отражающимъ на себѣ отблескъ божественности и потому высоко стоящимъ надъ міромъ животнымъ. Хорошо быть ученымъ, поэтомъ, воиномъ, законодателемъ и проч., но худо не быть при этомъ *человѣкомъ*; быть же *человѣкомъ*, значитъ имѣть полное и законное право на существованіе и не будучи ничѣмъ другимъ, какъ только *человѣкомъ*“ [1]).

(Прав. Под.)

---

[1]) Курсивъ Бѣлинскаго. Сочин. Бѣлинскаго ч. 8.

Житія святыхъ, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія.

„Воспитаніе есть жизнь и смерть,
спасеніе и гибель человѣка".

Бѣлинскій.

Вопросъ о раціональной постановкѣ воспитанія является жгучимъ вопросомъ современной педагогіи. Этому вопросу посвящено немало статей не только въ спеціальныхъ педагогическихъ изданіяхъ, но имъ интересуется и современная литература. Высказываются сужденія разнорѣчивыя до противоположности.

Одни, продолжая развивать взглядъ Ж. Ж. Руссо и Толстого, рекомендуютъ свободное воспитаніе. Въ своихъ сужденіяхъ они выходятъ изъ того положенія, что ребенокъ рождается идеальнымъ существомъ, и, что слѣдовательно, всякія внѣшнія мѣры, направленныя къ укрѣпленію въ душѣ ребенка тѣхъ или другихъ привычекъ со стороны взрослыхъ, безусловно недопустимы, потому что взрослые, по сравненію съ дѣтьми, являются далеко несовершенными, и всякое ихъ вліяніе на дѣтей можетъ имѣть только плохіе результаты. Другіе предлагаютъ воспитателямъ все вниманіе обратить на развитіе въ дѣтяхъ эстетики. Нѣкоторые настаиваютъ на развитіи только интелекта ума, предлагая совершенно изгнать изъ области воспитанія религіозный элементъ и замѣнить его правилами такъ называемой общечеловѣческой морали. Не вдаваясь въ подробный разборъ всѣхъ этихъ теорій, мы одно должны признать, какъ несомнѣнное, что дѣло всякаго воспитанія заключается въ томъ, чтобы изъ ребенка выработать человѣка въ высшемъ значеніи этого слова. Никто не станетъ хвалить человѣка, хотя умного, но жестокаго, безсердечнаго къ окружающимъ и безнравственнаго. Каждый искренно желаетъ, чтобы руководителями общественной жизни были люди честные, высокаго благородства, сильной воли, и, наконецъ, люди прочныхъ

нравственныхъ устоевъ, съ цѣлостнымъ морально-эстическимъ міровозрѣніемъ, выработка котораго невозможна безъ христіанской религіи.

Ставши па эту точку зрѣнія, удобно можно рѣшить поставленный нами вопрось о житіяхъ святыхъ, какъ матеріалѣ для дѣтскаго чтенія. Уже на основаніи различія возрѣній на цѣль педагогіи не трудно видѣть, что не можетъ быть единства и по данному вопросу. Даже можно сказать болѣе: не только представители теорій, отрицающихъ участіе религіи въ дѣлѣ воспитанія, но многіе изъ защитниковъ религіозно-нравственнаго воспитанія рѣшаютъ его далеко не въ положительномъ смыслѣ. Тотъ можетъ давать дѣтямъ для чтенія житія святыхъ,—обыкновенно говорятъ они,—кто думаетъ изъ своего ребенка приготовить пустынника. Житія святыхъ постоянно возбуждаютъ въ читателяхъ чувство ненависти къ мірской жизни, всѣ проявленія который рисуются въ грѣховномъ свѣтѣ. Понятно,—говорятъ представители отрицательнаго взгляда,—что чтеніе житій свят. въ большомъ количествѣ, не можетъ быть признано полезнымъ. Это чтеніе пробуждаетъ въ дѣтяхъ, чуткихъ ко всему, ненависть къ окружающей жизни, наложитъ на нихъ рано своеобразный отпечатокъ меланхоліи. Дѣти, воспитанныя на житіяхъ святыхъ, не имѣютъ уже той свѣтлой дѣтской радости, которая является отличительной чертой ихъ возраста. Они избѣгаютъ игръ съ товарищами, любятъ одиночество, не по лѣтамъ бываютъ серьезны, часто задумчивы. Такія дѣти въ годы зрѣлаго возраста по своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ будутъ совершенно непригодными для общественной жизни. Это—идеалисты теоретики или мистики, если не ханжи, а не практическіе дѣятели, столь нужные въ жизни. Ихъ взглядъ будетъ одностороненъ и узокъ, ихъ планъ и намѣренія далеки отъ требованій наличной дѣйствительности.

Наконецъ въ житіяхъ, говорятъ намъ, есть много фантастическаго элемента, имѣющаго безусловно вымыш-

ленный характеръ. Для людей позитивнаго направленія, все сверхчувственное, выходящее изъ рамокъ внѣшняго наблюденія, служитъ камнемъ преткновенія. Слѣдовательно, давать дѣтямъ житія святыхъ, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, гдѣ есть чудесный элементъ, это значитъ желать имъ зла, сознательно воспитывать ихъ въ ложныхъ представленіяхъ.

Но кажущіеся убѣдительными на первый взглядъ доводы представителей отрицательнаго направленія на самомъ дѣлѣ не такъ серьезны. Они вызываются или плохимъ знаніемъ житій святыхъ, или же возникаютъ въ силу личнаго предубѣжденія, непровѣреннаго опытомъ.

Возьмемъ первое положеніе представителей отрицательнаго взгляда. Что мы находимъ? Дѣйствительно-ли житія свят. возбуждаютъ ненависть къ міру въ душѣ читателя? Болѣе близкое знакомство съ житіями св. открываетъ другое.—Святые, оставляя міръ, ненавидѣли не самый міръ, а зло и неправду его, бѣжали они не отъ міра, а отъ грѣха, господствующаго въ мірѣ. Міръ, какъ твореніе Божіе, они всегда считали прекраснымъ. Отъ ихъ наблюдательнаго взора не исчезли самые неуловимые оттѣнки въ жизни міра. Они находили гармонію вездѣ. Трепещущій лепестокъ и мерцающій лучъ звѣзды, семья шаловливыхъ котятъ и беззаботно порхающая въ солнечномъ блескѣ бабочка, пѣніе соловья и жужжанія золотистыхъ пчелъ—все возбуждаетъ въ нихъ чувство красоты и благоговѣйнаго восторга передъ Творцомъ.

Далѣе нельзя признать правильнымъ того мнѣнія, будто житія святыхъ выставляютъ въ непривлекательномъ свѣтѣ семейную и общественную жизнь и развиваютъ въ читателѣ крайне односторонній взглядъ. Житія святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива (15 ноября), Макарія Египетскаго и въ особенности Евстафія Плакида (память 20 сентября) не дастъ права къ такому заключенію. Макарій Египетскій напр., долженъ былъ признать нравственное превосходство надъ собою двухъ женщинъ міряновъ, благотворившихъ по Христовой заповѣди.

Отсюда ясно, что утвержденія будто житія св. пробуждаютъ антогонизмъ къ міру, семейству и обществу противорѣчатъ дѣйствительности. Да притомъ нужно имѣть ввиду и то, что дѣтей интересуетъ въ житіяхъ не то, какъ отвѣчаютъ святые на вопросы семейнаго и общественнаго характера, а волнуетъ и трогаетъ ихъ чуткое сердце картины торжества правды, добра, чрезвычайно радуетъ уменьшеніе зла, раскрытіе какой-либо несправедливости и т. д.

Это вполнѣ понятно, т. к. дѣти живутъ болѣе чувствомъ. Наконецъ относительно возраженія противъ житейныхъ чудесъ нужно замѣтить, что человѣка невѣрующаго трудно убѣдить въ возможности чудесъ въ мірѣ, а христіанинъ не можетъ не признавать чудесъ Христа Спасителя. Онъ не можетъ отрицать словъ, сказанныхъ Господомъ, что его истинные послѣдователи могутъ совершать чудеса даже большія, чѣмъ Онъ. Житійныя чудеса свидѣтельствуютъ исполненіе приведенныхъ словъ Спасителя. Совершенно ложно также положеніе, что житійные разсказы фантастичны. Житія св. мучениковъ, наприм., составлены на основаніи актовъ. Житія различныхъ подвижниковъ писались ихъ очевидцами, и вообще писателями житій св. были люди благочестивые, для которыхъ истина была дороже всего, которые не могли не помнить слова Писанія, что отцомъ лжи является самъ діаволъ.

Такимъ образомъ возраженія, направленныя противъ чтенія житій св., при внимательномъ къ нимъ отношеніи имѣютъ мало убѣдительности. Въ дѣйствительности Житія св. слѣдуетъ признать прекраснѣйшимъ матеріаломъ для дѣтскаго чтенія. Прежде всего житія написаны въ простой общедоступной формѣ и слѣдовательно вполнѣ понятной для дѣтскаго сознанія. Далѣе, дѣти, слушая Евангеліе въ храмѣ или на урокахъ закона Божія, узнаютъ изъ него, что христіанское званіе налагаетъ на всѣхъ людей высокія обязанности,—жить для Бога и

ближнихъ, жить такъ, чтобы вся жизнь была постояннымъ горѣніемъ духа и служеніемъ Господу. Дѣти близко принимаютъ къ сердцу эти евангельскія требованія. А между тѣмъ въ наличной дѣйствительности они видятъ, обратное. Они видятъ, какъ мало удѣляютъ люди времени для Господа, какъ мало интересуются внутреннею жизнью, наоборотъ, какъ много въ жизни несправедливости, зла, ненависти, насилія, какъ наши самые благородные планы, идеи и мысли не идутъ дальше словъ, не осуществляются въ жизни. Отсюда, въ душѣ ребенка можетъ произойти раздвоенность, отъ которой и освободитъ его чтеніе житій святыхъ. Въ житіяхъ св. дѣти встрѣчаются съ цѣльными натурами, у которыхъ не было противорѣчія между словомъ и дѣломъ. Въ житіяхъ св. дѣти видятъ проявленія любви къ ближнимъ, но любви не половинчатой и не видимой расположенности, по чисто дѣловымъ соображеніямъ, а всецѣлой самоотверженной. Изъ житія великаго милостивца Филарета (1 декабря), который все свое состояніе раздѣлилъ съ бѣдными, они узнаютъ что святой не прекратилъ дѣлъ милосердія, когда и обнищалъ самъ, такъ что даже нуждался въ дневномъ пропитаніи. Онъ дѣлилъ съ нищими, что присылали ему добрые люди. И Господь сказалъ: „Блажени милостивіе, яко тіи помилованы будутъ“.

Особенно близокъ и понятенъ ребенку по своей чистотѣ и ясности душевной—чудный старецъ Божій—преподобный Серафимъ Саровскій, обладающій великой силой любви къ обществу: всѣхъ встрѣчалъ земнымъ поклономъ, съ лаской во взорѣ и улыбкой на устахъ, всѣхъ трогалъ своимъ сердечнымъ привѣтствіемъ, всѣмъ говорилъ: „Радость моя“.

Радуютъ дѣтей разсказы: про Николая Чудотворца (6 декабря), защитника сиротъ и вдовъ, утѣшителя слезъ мірскихъ и скораго помощника въ тяжелыхъ жизненныхъ обстоятельствахъ. До глубины души можетъ растрогать ихъ самоотверженный подвигъ Павлина, Епископа Нолан-

скаго, который, чтобы выкупить сына бѣдной вдовы, продалъ себя въ рабство. Или еще, дѣти, въ окружающихъ людяхъ часто замѣчаютъ индеферентное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ, но когда ребенокъ обращается къ житіямъ св., то передъ его яснымъ дѣтскимъ взоромъ предстанутъ свѣтлые образы великихъ мучениковъ за Христа и подвижниковъ, какъ наприм. великомученицы Варвары, великой вѣры и любви которой не заглушили самыя жестокія мученія; св. великомученицы Екатерины (24 ноября), Христовой Невѣсты, ревностной проповѣдницы истины, обличительницы лжи язычества; великомученика Пантелеймона (27 іюля), по своему милосердію переименованнаго изъ Пантолеона (что значитъ левъ) въ Пантелеимона (т. е. всемилостивый) — теплаго, безкорыстнаго врача; Святаго Сергія Радонежскаго (25-го сентября), который является примѣръ благочестія, смиреномудрія, пламенной любви къ Богу и глубокаго сочувствія къ благоденствію отечества. Какимъ умилительнымъ кажется ребенку св. Сергій, который несетъ голодному медвѣдю послѣдній кусокъ хлѣба и своей кротостью и добротой побѣждаетъ дикаго звѣря; который отказываетя отъ золотого креста и высокаго сана и предпочитаетъ славѣ и богатству смиреніе и бѣдность; — они эти свѣтлые образы, удержатъ дѣтей отъ пагубнаго индеферентизма, и нетолько удержатъ, но пробудятъ любовь къ Богу и людямъ. Дѣти съ благоговѣйнымъ восторгомъ будутъ поклоняться подвигамъ тѣхъ, которые по любви ко Христу отказались отъ всѣхъ удобствъ и радостей жизни. Въ лицѣ различныхъ святыхъ дѣти увидятъ олицетвореніе всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Здѣсь они встрѣтятся съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ. (Преподобный Ѳеодосій Печерскій) и съ дѣйствительной кротостью (св. Тихонъ Задонскій) и съ настоящею неустрашимостью къ правдѣ (Митрополитъ Московскій Филиппъ), съ его самоотверженной любовью: „Христосъ повелѣваетъ намъ любить ближняго, въ любви къ Богу и ближнему полагается весь законъ; кто не любитъ Бога,

тотъ не Божій“, говорилъ онъ. Великъ и назидателенъ св. Филиппъ и своимъ глубокимъ пламеннымъ патріотизмомъ.

Примѣры святыхъ, главнымъ образомъ, развиваютъ эмоціональную сторону душевной жизни, благодаря чему впослѣдствіи, человѣкъ будетъ чуткимъ ко всему истинно высокому, честному, всегда будетъ реагировать на все доброе и возмущаться несправедливостью и зломъ. Но чтеніе житій святыхъ развиваетъ не только чувство дѣтей, но способствуетъ развитію ихъ воли и ума. Встрѣчая въ лицѣ св. мучениковъ и великихъ подвижниковъ, людей несокрушимой твердости, о которую разбивались всѣ преграды на пути къ намѣченной цѣли, читая жизнеописанія такихъ людей, дѣти, по закону подражанія, такъ свойственному ихъ возрасту, начинаютъ думать объ осуществленіи такихъ-же подвиговъ за истину. Наконецъ, благодаря чтенію житій святыхъ, развивается и умъ дѣтей, потому что черезъ это чтеніе послѣднія получаютъ тѣ или другія церковно-историческія, бытовыя и географическія свѣдѣнія.

Нельзя забывать и того, что чтеніе житій святыхъ оказываетъ неотразимое вліяніе и на послѣдующую жизнь человѣка, если бы онъ потомъ и не сталъ ихъ читать. Добрыя сѣмена, посѣянныя въ душу черезъ чтеніе и память о свѣтлыхъ переживаніяхъ дѣтства будутъ служить удерживающимъ началомъ отъ совершенія дурныхъ поступковъ, это съ одной стороны, а съ другой, человѣкъ, воспитанный въ дѣтствѣ на житіяхъ не падаетъ подъ ударами тягостныхъ жизненныхъ испытаній; онъ найдетъ при своемъ горѣ источникъ утѣшенія.

Вспомнимъ предсмертный завѣтъ великаго старца Серафима Саровскаго. „Когда я умру, вы приходите ко мнѣ на мою могилку и здѣсь все, какъ живому, мнѣ разскажете. Я услышу васъ и вамъ будетъ легче“. И дѣйствительно онъ бодро перенесетъ ударъ жизни и смѣло будетъ смотрѣть впередъ. Наконецъ нужно затронуть еще

одинъ вопросъ: любятъ-ли сами дѣти житія святыхъ, соотвѣтствуетъ-ли это чтеніе ихъ интересамъ, ихъ внутреннему интимному міру? Прежде всего здѣсь важенъ элементъ чудеснаго, котораго такъ много въ житіяхъ святыхъ. Онъ является одной изъ причинъ, которая не можетъ не располагать дѣтей къ этого рода чтенію. Дѣти любятъ все сверхъестественное, разсказы съ таинственнымъ элементомъ чудеснаго; поэтому ихъ живо интересуетъ житіе святыхъ, гдѣ чудесное является не вымышленнымъ, а происходитъ въ дѣйствительности. Съ интересомъ читаетъ дитя жизнь Поликарпа, изобилующую святыми чудесами: чудный свѣтъ осіялъ церковь, когда въ нее вошелъ святитель, нѣкоторые изъ вѣрующихъ увидѣли бѣлую голубицу, летающую около головы Поликарпа, инымъ онъ показался въ образѣ воина, вооруженнаго мечемъ и готоваго на битву, другіе видѣли его облеченнаго въ царскую порфиру и озареннаго неземнымъ свѣтомъ; или чудеса, сопровождающія его смерть, когда огонь окружилъ ореоломъ сіянія тѣло славнаго мученика. Не менѣе интересны дѣтямъ славныя чудеса, сопровождающія страданія и смерть юныхъ отроковицъ. Вѣры, Надежды и Любви; или жизнеописанія св. Георгія Побѣдоносоа, изгоняющаго бѣсовъ изъ идоловъ и разрушающаго ихъ.

Дальше: неясныя запросы истины, справедливости, добра смутно живутъ въ душѣ ребенка, но слабый, неразвитой умъ не можетъ ни понять, ни уяснить этихъ туманныхъ образовъ и житія святыхъ идутъ ему на помощь. Свои неясныя стремленія ребенокъ видитъ реально воплощенными въ жизни того, или иного святителя, и душа его безсознательно открывается навстрѣчу этому святому, какъ цвѣтокъ навстрѣчу солнцу. Такимъ образомъ житія св. соотвѣтствуютъ внутреннему міру ребенка.

Чистота души дитяти и чистота души святого имѣютъ большое сходство,—нельзя не отмѣтить какъ-бы „братство душъ ихъ“. Грѣховая сторона жизни не кос-

нулась еще своимъ чернымъ крыломъ ясной души ребенка и прошла мимо, не бросивъ тѣни на чистую душу угодника Божія.

Дѣтской душѣ свойственны чувства жалости и сострадания и хорошее, доброе чувство любви и симпатіи поднимается въ душѣ ребенка, когда онъ прочтетъ страданія того или другого святого. Чувство благоговѣнія охватываетъ душу ребенка и невольно притягиваетъ къ Богу, когда онъ читаетъ жизнеописанія святого, удостоившагося, благодаря своей святой жизни, бесѣды съ Господомъ, или видѣнія Божіей Матери. Напримѣръ св. Сергія Радонежскаго Богоматерь почтила своимъ посѣщеніемъ и обѣщаніемъ вѣчнаго попеченія и заботы объ его обители.

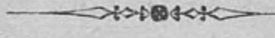
Дѣти по своей натурѣ склонны къ героическому: оно требуется ихъ природой. Дѣтскій возрастъ соотвѣтствуетъ первобытнымъ героическимъ эпохамъ человѣчества. Дитя переживаетъ—говоритъ французскій современный педагогъ—писатель Г. Mentre,—героическій періодъ исторіи и героическій элементъ приходится прежде всего по душѣ маленькаго читателя, т. к. отвѣчаетъ природѣ его.

Святые—это герои, замѣчательные своими высокими безкорыстными подвигами. Такъ напр. Стефанъ Пермскій, посвятившій себя трудному дѣлу распространенія христіанства, подвергающій свою жизнь постоянной опасности со стороны дикаго народа—зырянъ, и готовой жизнь свою положить за проповѣдь Христа. Или св. Георгій Побѣдоносецъ, дающій самый твердый примѣръ вѣры въ Бога, не страшившійся самыхъ ужаснѣйшихъ мученій за Него; образецъ самой пламенной любви къ Нему и крѣпкой надежды на Него. Онъ твердо переноситъ мученія, ужаснѣе которымъ не можетъ придумать человѣческій умъ, и неустрашимо говоритъ своему мучителю; „Скорѣе ты устанешь меня мучить, нежели я терпѣть твои мученія". Высокій подвигъ святаго заставляетъ ребенка преклониться передъ Нимъ, какъ передъ чуднымъ героемъ. Да! они и есть дѣйствительные герои, но чаще, лучше обычныхъ

героевъ,—святые герои. Эти—то особенности житій святыхъ приковываютъ вниманіе ребенка къ этого рода чтенію, заставляютъ глубоко прочувствовать, полюбить его. Говоря о вліяніи житій святыхъ не юную душу, мнѣ невольно вспоминается свѣтлый образъ Лизы Калитиной. Тургеневъ говоритъ: „няня разсказывала ей житіе Пресвятой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божьихъ, святыхъ мученицъ, она говорила Лизѣ, какъ жили святые въ пустынѣ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду,—и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались... Лиза слушала ее,—и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ и ее чистымъ благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ“.

Такимъ образомъ житія святыхъ являются лучшимъ матеріаломъ для дѣтскаго чтенія и наше pia desideria, чтобы на этого рода чтеніе, какъ воспитательное средство, было обращено самое глубокое серьезное вниманіе.

„П. Е. В.“

Вр. и. о. Редактора *Н. Шелутинскій*.

Печатать разрѣш. 1913 г. 16 сентября. И. д. цензора, прот. *П. Дедевичъ*.
Гродненская Губернская Типографія.